

Д. А. Попов

ФИНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИ СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ В 1941–1944 ГГ.

В годы Великой Отечественной войны на территории Карелии, а также на части территории современной Ленинградской, Вологодской и Мурманской областей, занятой финскими войсками, была самая высокая плотность мест принудительного содержания интернированного населения. Здесь было 14 концлагерей, 34 трудовых лагеря, 42 роты для военнопленных, 9 тюрем и одна колония¹. В лагерях была высокая смертность, однако установить точное число жертв среди гражданского населения до сих пор не удалось. Причем на всей оккупированной территории финская оккупационная администрация проводила четкую политику национальной сегрегации, которая выражалась в выделении из жителей занятых территорий всех тех, кто относился к родственным финнам народам, а остальное не финно-угорское население заключалось в концлагеря и трудовые лагеря.

В целом финская оккупационная политика в Карелии уже получила значительное освящение в отечественной историографии². Тем не менее все же некоторые ее аспекты пока еще продолжают оставаться достаточно малоизученными. В частности, до сих пор недостаточно активно изучаются проблемы особенности финской оккупации КФСР на микроуровне. Здесь пока явно отсутствуют фундаментальные работы, в которых изучался бы конкретный концлагерь или отдельный оккупированный район Республики³. В результате опубликовано лишь несколько научных исследований, где была предпринята попытка исследования особенностей финского оккупационного режима именно на микроуровне⁴.

В данном случае несомненный научный интерес представляет, в частности, рассмотрение особенности оккупационной политики Финляндии, которая осуществлялась на захваченной финскими войсками территории Северной Карелии (Беломорской Карелии). Этот регион ранее относился к Кемскому уезду Архангельской губернии, а затем стал уже

в советское время составной частью Карельской Республики. Территориально его можно сейчас ограничить с юга линией Реболы — Ругозеро, с запада российско-финляндской границей, а на востоке берегом Белого моря.

В 1941 г. конкретно на Мурманском направлении наступал немецкий горный корпус «Норвегия», а на Кандалакшском участке германские части уже взаимодействовали с финскими войсками 3-го армейского корпуса, состоящего из 3-й и 6-й пехотных дивизий. Эти войска оперативно подчинялись командованию армии «Норвегия» и должны были наступать на Кестеньском и Ухтинском направлениях. Кроме того, на Ребольском участке фронта наступала еще 14-я пехотная дивизия финских войск. В результате в середине сентября 1941 г. на Кандалакшском направлении наступающие вышли на рубеж восточнее Алакуртти, где они были остановлены. На Кестеньском участке фронта 8 августа 1941 г. финны захватили Кестеньгу, но 12 сентября их наступление также было остановлено на рубеже озеро Янисъярви — Лоух-Губа. На Ухтинском направлении активные боевые действия завершились еще раньше — в конце июля — начале августа 1941 г. В итоге здесь фронт стабилизировался в 10 км западнее Ухты. В конце сентября 1941 г. наступающие части были также остановлены и на Ребольском направлении, в районе восточнее Ругозера⁵.

Таким образом, к октябрю 1941 г. была оккупирована значительная часть Северной Карелии. Здесь Финляндия сразу же приступила к созданию оккупационной администрации и организации оккупационного режима. Что касается образования мест принудительного содержания, то все они были образованы, прежде всего, в южной части Карелии. В первую очередь в Петрозаводске, где сосредоточилось до 6 концлагерей. Однако в Кестеньге и Вокнаволоке тоже создавались тюрьмы, а в Колвасозере разместился еще отдельный концлагерь, который был предназначен «для неблагонадежного национального населения». В целом всю оккупированную территорию финны разделили на округа. Причем Северная Карелия оказалась разделенной сразу на два округа — Массельский (с центром в Реболах) и Северный (с центром в Куусамо).

С точки зрения организации оккупационной и карательной деятельности важным стал поступивший 24 июля 1941 г. в штаб 3-го армейского корпуса, наступающего в Северной Карелии, секретный документ «Для следствия и проверки гражданских лиц, задержанных на занятой территории». Перевод данного письма был выявлен в рассекреченных Архивом УФСБ по РК документах, которые сейчас находятся в стадии включения в фонды Национального архива РК. В письме конкретно приводились группы граждан, которых следует «немедленно задерживать»:

«а) руководящий состав и сотрудников НКВД; б) всех членов коммунистической партии и зарегистрированных членов Коминтерна; в) политических руководителей промышлен[ных] предприятий, союзов и организаций; г) руководителей комсомола; д) комиссаров Красной Армии; е) руководителей газет; ж) всех членов милиции»⁶. Эти люди должны были быть задержаны, а затем отправлены для судебного разбирательства. Однако в письме отмечалось: «Те лица из задержанных, которые не виновны по делу, но которых можно подозревать по их прошлой работе, по характеру или по их мыслям и которые, находясь на свободе, могут продолжать коммунистическую агитацию или связь с противником, остаются задержанными в лагерях». Само собой, данное определение было довольно размытым и в лагерь могли быть отправлены любые «инакомыслящие».

В 1943 г. лейтенант «Смерш» Карельского фронта Катала допросил взятого в плен начальника финского Военного управления Восточной Карелии в деревне Пахомова Гора Импонена. Пленный довольно подробно описал жизнь на оккупированной территории. Он отметил, что сразу после занятия деревни финнами были составлены списки населения, а также «Подворная книга», где записывались фамилия, имя и отчество жителя деревни. Кроме того, выяснялось, где находятся все члены его семьи, имеет ли он родственников в Финляндии или СССР и кто из членов семьи состоит в коммунистической партии или комсомоле. Военные также еще назначали из числа местных жителей старосту деревни. Отдельно еще определялось, что для всех жителей деревни должен был быть утром общий «подъем», в шесть часов, а после девяти вечера всякое передвижение по деревне запрещалось. Также запрещалось еще и проведение каких-либо увеселительных мероприятий. Более того, если в деревне появлялось некое «незнакомое лицо», то о нем сразу следовало сообщить финской администрации. За нарушение указанных правил на жителей мог быть наложен арест до 7 суток. Импонен также назвал норму продуктов питания для жителей деревни на месяц⁷.

Далее, со слов Импонена, вся колхозная земля в деревне сразу же была роздана местному населению, и ее распределение происходило по принципу — «кто сколько хотел». Причем часть обрабатываемой земли все же осталась свободной и была передана для ее возделывания уже силами солдат или мобилизованных для этого местных жителей. За работу население получало, по словам Импонена, от 5 до 6,5 марок за час работы, а зимой зарплата уже была меньше и составляла 4–5 марок за час. Далее, как отметил финский военнопленный, лошади и коровы тоже были розданы населению бесплатно, а в январе 1943 г. весь оставшийся колхозный скот также был продан жителям деревни⁸.

В целом, воспоминания и протоколы допросов задержанных являются до сих пор основными источниками сведений по проблемам истории оккупации на микроуровне. Именно благодаря этой специфической источниковой базе хорошо известно, что в Ребольском районе в деревне Колвасозеро был, в частности, создан концлагерь для лиц финно-угорских национальностей («националов»), которых финская оккупационная администрация признала «неблагонадежными». Анализ воспоминаний находящихся в лагере узников, прежде всего, позволяет понять, что туда попадали зачастую люди по совершенно надуманным причинам.

В частности, узница концлагеря А. О. Тарасова вспоминала, что с занятием деревни Паданы финны пытались заставить ее стирать белье. Но она отказалась, мотивировав это тем, что «дома никогда не стирала, а финского белья и подавно не буду». После этого ее вызвали на допрос к финскому коменданту, где Тарасову упрекали в том, что она работала в райкоме партии, обратили внимание на ее пальто, сказав, что оно стоит «наверное 2 тысячи». Финский комендант ей сказал, что она хорошо одевалась «только потому», что работала в райкоме. Как указывала Тарасова, «они также говорили, что в райкоме был буфет, тогда как ни в какой другой организации его не было». В результате через два дня после допроса Тарасову арестовали и этапировали в Олонец. Далее она в мае 1942 г. была переведена в концлагерь в Колвасозеро. Считалось, что в этом лагере находилось чуть более 100 человек. Однако на момент прибытия туда Тарасовой и с ее слов в лагере содержалось лишь 25 человек.

Как можно понять из показаний Тарасовой, в лагере Колвасозеро находившиеся там люди летом занимались чисто сельскохозяйственными работами, а зимой их направляли на заготовку лесных дров. Причем, что очень заметно из слов Тарасовой, в лагере, как и в других финских лагерях, повсеместно царил голод. Люди зачастую питались исключительно некачественными продуктами или вообще даже помоями⁹.

Похожая история касалась и другой узницы этого лагеря, А. Я. Грябиной. Она попала в Колвасозеро тоже достаточно случайно. Только потому, что ее сын, Алексей Грябин, был замечен финнами в партизанском отряде. Более того, в 1942 г. он даже попал в плен, но ему в мае 1943 г. удалось бежать. Именно после этого Грябину, которую финская администрация использовала для стирки белья для женщин, проходящих службу в отрядах «Лотта Свярд», арестовали и этапировали в концлагерь в Колвасозеро.

Как впоследствии Грябина отмечала, тогда «в лагере были только карелы, было много олонецких». Далее она, рассказывая о своей там жизни, отмечала: «Пока жили в лагере, ходили каждый день на полевые работы.

Кормили плохо, давали в день 200 гр. хлеба и похлебку из гнилой рыбы или мяса. Меня в лагере не били, молодых били часто»¹⁰.

Рассказ А. Я. Грябиной в какой-то степени дополняют сведения, которые были изложены другой заключенной лагеря, Д. Ф. Кононовой. Из ее показаний становится ясно, что она была жительница одной из деревень Сегозерского района. Но, что еще более любопытно, Кононова даже являлась бригадиром местного колхоза. Причем даже после захвата финскими войсками территории этого района, она на какое-то время осталась в прежней должности. Однако в мае 1942 г. ее арестовали и отправили в лагерь в Колвасозеро. Причины ареста в своих воспоминаниях Кононова не раскрывает. Тем не менее вполне вероятно, что ее арест был вызван лишь только тем, что в свое время она была бригадиром и даже кандидатом в члены ВКП(б). Кононова, так же как и другие заключенные, весьма ясно указывала на голод в лагере и на в целом невыносимые условия жизни¹¹.

Подобную историю тоже сообщила заключенная лагеря Е. Н. Власова. Она оказалась в Колвасозерском лагере по причине своей личной связи с партизанами. Причем до этого Власова даже работала переводчицей в финском штабе в Великой Губе. Но в январе 1942 г. ее по доносу уже первый раз арестовали, хотя достаточно быстро она все же была тогда освобождена. Тем не менее, как отмечает Власова: «2 ноября 1942 г. я совместно со своим братом Власовым Иваном была арестована за связь с политическими арестованными (партизан Пичугин, староста деревни Нестеров)». В результате Е. Н. Власова прошла действительно долгий путь по различным финским концлагерям и тюрьмам, побывав в Киндасово и Косозеро. 20 мая 1943 г. ее перевели в Колвасозерский лагерь, где она и содержалась до освобождения советскими частями. Причем в протоколе допроса Власова еще рассказывала о существовавших в лагере коллаборационистах¹².

По причине своей подпольной деятельности в Колвасозерском лагере оказался еще и житель Ведлозера Ф. И. Ефремов. Его арест был связан с тем, что он был обвинен, что поджег продовольственные склады в Ведлозере. Также поводом к аресту послужил слух, что Ефремов в годы «зимней войны» еще «якобы был политруком». В марте 1942 г. его арестовали и он был этапирован в Олонец, оттуда в Видлицу, а уже оттуда в мае 1942 г. его доставили в Колвасозеро¹³.

Помимо издевательств, непосредственно чинимых в лагерях на территории Карелии, финны организовали также еще массовый вывоз населения на работы в Финляндию. В частности, из Вокнаволоцкого сельсовета увезли 14 молодых людей для работ в районе финского города Куопио. Из Сегозерского района также массово вывозилась молодежь,

в частности, в августе 1943 г. из села Паданы вывезли А. Тишкину, А. Лебедеву, А. Громову, Т. Осипову, Н. Денисову и др.¹⁴

Что касается настроений свободного населения Северной Карелии, то тут показательным является уже упоминаемый выше допрос в деревне Пахомова сотрудником «Смерш» финского военнопленного Гора Импонена. Он тогда прямо указывал на то, что тогда в связях с партизанами финские власти «подозревают всех» жителей деревни. В результате, как подчеркивал Импонен, для предотвращения связи жителей деревни с партизанами в зимнее время были даже организованы специальные патрули, которые ходили вокруг деревни, а в летнее время население вообще не имело права, без их сопровождения финнов, покидать деревню. Однако, со слов Г. Импонена, все же «никаких проверок и облав по домам не производилось», что тем не менее кажется не совсем соответствующим действительности. Ко всему прочему, сам Импонен отмечал, что один из финских солдат, по заданию полиции, персонально следил за жителями деревни Пахомова Гора и сообщал в полицию «обо всех замеченных фактах недовольства населения финскими властями, а также их намерениях и о разговорах антигосударственного характера». Импонен в ходе допроса еще отметил, что знает по крайней мере о семи лицах, арестованных полицией в этой деревне. Причем эти аресты производились исключительно или в основном за связь с партизанами. Многие из них затем отбывали свое наказание в «лагере в Реболах». Однако, вероятно, Импонен все же имел в виду именно лагерь в Колвасозеро¹⁵.

Таким образом, в концлагерь для «национального» населения в Колвасозеро попадали как по действительно надуманным причинам (например, «дорогое пальто» или родственники в партизанских отрядах), так и по причине реальной подпольной деятельности против финских оккупантов. Сам же узники этого лагеря, как и в целом узники большинства финских концлагерей, использовались в качестве, прежде всего, рабской силы. В лагере к тому же при весьма скудном питании царил обильный голод.

ЛИТЕРАТУРА

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Е. В. Усачева; сост. Т. А. Варухина, Л. С. Котович, Е. В. Рахматуллаева, О. И. Суржко, Е. В. Усачева, Н. В. Федотова. М.: Издательство «Кучково поле», 2020. 408 с.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009. 541 с.

Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1941–1945. Петрозаводск: Фонд творческой инициативы, 2010. 510 с.

Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Петрозаводск: Карелия, 1975. 447 с.

Макуров В. Г. Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Переодика, 2001. С. 583–667.

Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск: Карелия, 1983. 237 с.

По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.

Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsingi, 1989 (пер. на русск. язык: *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска. Петрозаводск, 2006).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов. М., 2020. С. 30.

² См.: *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009; Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Петрозаводск, 1975; *Макуров В. Г.* Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983; По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Петрозаводск, 1995; *Kulomaa J. Äänislinna.* Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsingi, 1989 (пер. на русск. язык: *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска. Петрозаводск, 2006) и др.

³ Сейчас этот пробел в отечественной историографии в определенной степени начинает восполняться в рамках двух исследовательских проектов: «Электронный ресурс — „Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг.“» и «Визуализация и анализ документов об оккупации Карелии Финляндией в 1941–1944 гг.». Данные проекты реализуются в соответствии с Программой поддержки НИОКР студентов, аспирантов и молодых ученых ПетрГУ.

⁴ См.: *Попов Д. А., Коваленко Д. Д.* Финский оккупационный режим на территории Олонецкого района в 1941–1944 гг. // StudArctic forum. 2022. Т. 7, № 3. С. 19–26; *Попов Д. А.* Новые документы о концлагере № 5 в Петрозаводске // StudArctic forum. 2022. Т. 7, № 4. С. 26–30; *Веригин С. Г., Попов Д. А., Елошин Д. А.* Малоиз-

вестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Том 45, № 2, С. 8–15; *Веригин С. Г., Попов Д. А., Прохорова М. Н.* Новые документы о финской оккупации Олонецкого района Карелии 1941–1944 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 131–143.

⁵ *Дайнес В.* Боевые действия в Заполярье и Карелии (июнь — декабрь 1941 г.) // Сайт Министерства Обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101548%40cmsArticle (дата обращения: 07.05.2023)

⁶ Штаб 3-го армейского корпуса // Электронный ресурс «Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem24> (дата обращения: 07.05.2023).

⁷ Она выражалась в 5–10 кг муки, 150–200 г. мяса, от 250 до 500 г. сахара, 300–600 г масла, 250 г кофе, картофельной муки, а также 100 г хозяйственного мыла. Причем стоит отметить, что в финских лагерях находившееся там гражданское население получало гораздо меньше продуктов.

⁸ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. С. 85–88.

⁹ Администрация лагеря, например, выдавала для находившихся в лагере людей для питания «конину с червями». См.: Архив Карельского Научного Центра РАН (далее — Архив КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 42. Д. 552. Л. 30.

¹⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 548 Л. 6.

¹¹ Там же. Д. 354.

¹² Из протокола допроса Е. Н. Власовой о ее нахождении в Космозерской тюрьме, в концлагерях Киндасово и Колвасозеро // Сайт проекта «Без срока давности». [Электронный ресурс]. URL: <https://бд.безсрокадавности.рф/docs/1136491> (дата обращения: 07.05.2023).

¹³ Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1941–1945. Петрозаводск, 2010. С. 91.

¹⁴ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. С. 144.

¹⁵ Там же. С. 86–87.